

Империализм в Марксовой концепции глобализации

В предыдущей статье¹ отмечалось, что Маркс заложил основы концепции империализма, неравномерного развития и деления мировой капиталистической системы на империалистические и зависимые страны. Подтверждение этому обнаруживается в “Капитале” и предшествующих ему рукописях, особенно в тех случаях, когда Маркс отходит от абстрактного рассмотрения капиталистического производства на уровне категории “капитал вообще” и начинает на более конкретном уровне анализировать отношения между капиталами различного уровня развития, лежащие в основании отношений между промышленно развитыми и отсталыми странами внутри мирового рынка. С одной стороны, концепция империализма не может быть развита непосредственно на основе категорий “Капитала”, ибо в своем главном труде Маркс осуществлял анализ одного лишь базового для капитализма отношения “капитал вообще” на предельном уровне абстракции как отношение между капиталом и наемным трудом, при котором весь торгующий мир представлен как одна нация. Здесь происходит абстрагирование от международной эксплуатации и угнетения. Однако категории “Капитала”, особенно развитый в третьем томе концепт распределения прибавочной стоимости, являются необходимым фундаментом концепции империализма и между ними необходимо выстроить опосредствующие звенья. О том, каковы могут быть эти звенья, имеются некоторые указания самого Маркса как в “Капитале” и предшествующих ему экономических рукописях, так и в других его работах. Здесь необходим переход на следующие друг за другом и вытекающие друг из друга более конкретные уровни абстракции.

¹ См.: Малюк, А. (2019). Маркс о роли капитализма в формировании всемирно-исторических отношений. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 1, 73–91.

Так, Маркс говорит о том, что на уровне мирового рынка действует закон стоимости в его “интернациональном применении” [Маркс, 1960: с. 571]. Но чтобы понять действие закона стоимости в его “интернациональном применении”, необходим переход на более конкретные уровни исследования, поскольку сам анализ капиталистических отношений на мировом рынке, то есть в рамках мировой капиталистической экономики, невозможен на уровне абстрактной категории капитала вообще, где капитал рассматривается как единственный. Мировой рынок представляет собой систему взаимодействия множества разнообразных капиталов. Следовательно, необходимо рассмотрение столкновения многих капиталов, то есть отношения капитала к самому себе как другому капиталу. На этом более конкретном уровне противоречия капитала разворачиваются как диалектика одного и многого. Её воплощением является конкуренция как отношение притяжения/отталкивания капитала, в котором капитал сталкивается с собой как с другим капиталом. В принципе рассмотрение конкуренции самой по себе должно было составить предмет соответствующего специального учения как одного из элементов известного “плана шести книг” [Маркс, 1968: с. 45], в котором очерчивалась общая целостная структура капиталистической экономики и определялись последовательные ступени ее исследования, но проблема конкуренции капиталов начинает разрабатываться уже в третьем томе “Капитала” с точки зрения влияния конкуренции на распределение и перераспределение прибавочной стоимости.

Рассматриваемая таким образом конкуренция представляет собой конкретную реальность взаимодействия множества капиталов, посредством которого происходит обращение стоимости и реализация капитала. Она представляет собой противоречивое единство и связь между капиталами, формирует внутренне противоречивую целостность, в которой реализация и самовозрастание одних капиталов осуществляется за счет других. Все это происходит на основе действия закона стоимости, создающего основу передачи стоимости от одного капитала к другому. Здесь на анализ отношений между капиталом и наемным трудом накладывается анализ отношений между капиталом и капиталом.

В третьем томе “Капитала” Маркс показывает, как совокупный общественный капитал распадается на множество капиталов в различных отраслях производства с различным органическим строением капитала и различными нормами прибыли. Чисто текстуально у Маркса можно обнаружить выделение отраслевой конкуренции между отдельными капиталами и конкуренцию между капиталами различных отраслей. Если же принять во внимание, что совокупный капитал представляет собой фактически совокупный мировой капитал, то переход на уровень отношений на мировом рынке требует вычленения такой формы конкуренции, как конкуренция между обладающими отличной друг от друга структурой совокупными капиталами различных стран.

Введение в теоретическую конструкцию явления конкуренции на мировом рынке модифицирует понимание действия закона стоимости. На уровне мирового рынка конкуренция выступает как отношение множества “совокупных страновых капиталов” с различным органическим строением. В этом единстве и борьбе между ними осуществляется распределение и перераспределение мировой прибавочной стоимости. Исходя из этого, методологическую основу понимания механизма функционирования мировой капиталистической экономики следует искать в разработанной Марксом

концепции распределения прибавочной стоимости, ключевыми категориями которой являются понятия органического строения капитала, средней прибыли, различия стоимости, цен производства и рыночных цен, а также анализ проблемы превращения стоимости в цену производства (так называемая проблема трансформации). Отметим, что, рассматривая действие закона стоимости на всемирном уровне, Маркс приближается к выдвигению идеи неэквивалентного обмена между группами стран и эксплуатации специализирующихся на сельскохозяйственном производстве периферийных стран со стороны индустриально развитых стран в результате передачи прибавочной стоимости от менее развитых совокупных общественных капиталов более развитым. Он непосредственно подходит к разработке концепции империализма и формулированию идеи деления капиталистической системы на империалистический центр и эксплуатируемую периферию.

Абстрактный подход к идее империализма, абстрактное понимание империализма должны привести к выводу о невозможности существования такового при жизни Маркса и соответственно невозможности построения концепции империализма в это время. Ведь невозможно построить обладающую достоверностью теоретическую конструкцию того, чего нет. Хорошо известно, что империализм рассматривался большинством марксистов как особая стадия капитализма, основной характеристикой которой является образование и господство монополий, то есть концентрация капитала в гигантских финансово-промышленных конгломератах, принимавших различные организационно-экономические формы и возникавших вследствие слияния банковского и промышленного капиталов в финансовый капитал, сопряженный с силой капиталистического государства. Не менее хорошо известно, что капитализм, существовавший во времена Маркса и Энгельса, характеризуется как “капитализм эпохи свободной конкуренции”, когда указанных выше монополистических структур не существовало.

Такой взгляд на соотношение капитализма и империализма представляется довольно статичным. Маркс же, понимая противоречивость любой категории, рассматривал их в движении вплоть до перехода в свою противоположность. С его точки зрения, свободная конкуренция является адекватной формой производительного процесса капитала, в которой в наиболее чистом виде выступают формы его движения. Но в то же время Маркс, следуя диалектическому методу исследования капитализма, понимал, что когда капитал начинает ощущать себя пределом для развития, а это происходит при любом крупном кризисе капитализма, он начинает искать “прибежища в таких формах, которые, хотя они кажутся завершением господства капитала, вместе с тем, в результате обуздания свободной конкуренции, являются провозвестниками его разложения и разложения покоящегося на нем способа производства” [Маркс, 1969: с. 155]. Рассматривая всеобщий закон капиталистического накопления, Маркс называет централизацию и концентрацию капитала ведущими органическими тенденциями развития капитализма. Отмеченная им тенденция к сосредоточению капиталов в огромных массах в одних руках, для которого кредит создает колоссальный механизм централизации капиталов, тождественна процессу образования монополий.

Но монополии в тех организационно-экономических формах, в каких их исследовали теоретики империализма в конце XIX — начале XX века, являются только одной разновидностью монопольной власти, выступающей основной империализма как системы господства над мировой экономической

системой капитализма. Сама же монопольная власть представляет собой сложный конкретный феномен, разнообразие форм которого сопровождало развитие капитализма на протяжении всей его истории. Так, до возникновения стадии монополистического капитализма, формой экономического воспроизводства и управления мировой экономикой выступали монопольные торговые компании, которым правительства западноевропейских великих держав делегировали право управления целыми регионами мира, как, например, известные Ост- и Вест-Индские компании. Благодаря этому обеспечивался неэквивалентный обмен между различными частями мировой капиталистической экономики как необходимая основа капиталистического накопления. Монопольный контроль над рынком, производственная монополия, монопольный контроль над торговыми путями и торговлей, над финансами, над территориями с их природными, материальными и человеческими ресурсами, над источниками сырья, защита прав интеллектуальной собственности, дающая юридическую защиту производственной монополии — все эти разнообразные формы монополии всегда были источником системного неравенства между странами и обществами в мировой капиталистической системе и неэквивалентного обмена между ними, из которого возникает монопольная “империалистическая рента” (С.Амин) как форма перераспределения прибавочной стоимости между совокупными общественными капиталами. И поскольку эта монопольная власть в той или иной конкретно-исторической форме присуща капитализму как таковому, непременным атрибутом последнего является империализм как всемирная система господства центров капиталистического накопления над мировой экономикой.

Разумеется, степень зрелости и выраженности империализма соответствует степени зрелости самого капитализма, и по мере его развития проявлялись и выходили на первый план те или иные его стороны и в целом нарастал его империалистический характер. Здесь следует напомнить, что, как подчеркивала Р.Люксембург, капитализм не может реализовывать прибавочную стоимость и осуществлять накопление капитала, не расширяясь на некапиталистическую часть мира, которую он превращает в свою периферию. А это означает, что такие присущие империализму явления, как территориальный раздел мира, колониализм, эксплуатация мира горсткой крупных капиталистических держав, экспорт капитала, были характерны для капиталистического способа производства уже на самых ранних этапах его истории. Поэтому Маркс не только имел возможность наблюдать и исследовать империалистические тенденции в современном ему капитализме, но и в самом деле подходил к разработке концепции империализма.

Ранняя, весьма общая формулировка этой идеи появляется в “Манифесте коммунистической партии”, где Маркс и Энгельс говорили, что “буржуазия... варварские и полуварварские страны поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада” [Маркс, 1955а: с. 428]. В “Капитале” данная идея приобретает более конкретную и точную формулировку. Здесь Маркс говорит о формировании создаваемого крупной капиталистической промышленностью нового международного разделения труда:

“... Дешевизна машинного продукта и переворот в средствах транспорта и связи служат орудием для завоевания иностранных рынков. Разрушая там ремесленное производство, машинное производство принудительно превращает эти рынки в места производства соответствующего сырого матери-

ала. Так, например, Ост-Индия была вынуждена производить для Великобритании хлопок, шерсть, пеньку, джут, индиго и т. д. Происходящее в странах крупной промышленности постоянное превращение рабочих в “избыточных” порождает усиленную эмиграцию и ведёт к колонизации чужих стран, которые превращаются в плантации сырого материала для метрополии, как Австралия, например, превратилась в место производства шерсти. Создаётся новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства международное разделение труда, превращающее одну часть земного шара в область преимущественно земледельческого производства для другой части земного шара как области преимущественно промышленного производства. Эта революция стоит в тесной связи с переворотами в земледелии, которые здесь пока не приходится исследовать обстоятельнее” [Маркс, 1960: с. 461–462]. Американский экономист Г. Ч. Кэрри небезосновательно, как полагал Маркс, обвинял Англию в том, что она “стремится превратить все остальные страны в исключительно земледельческие, а сама хочет стать их фабрикантом”. Кэрри утверждал, что таким путем была разорена Турция, ибо там Англия не позволяла “собственникам земли и земледельцам... укрепить свое положение путем естественного союза плуга с ткацким станком, бороны — с молотом” (“The Slave Trade”, p. 125). При этом Кэрри упрекал автора этой цитаты, британского дипломата и политического деятеля Д. Уркварта, в том, что тот сам являлся одним из главных виновников разорения Турции, где Уркварт, в интересах Англии, пропагандировал свободу торговли [Маркс, 1960: с. 759]. Примечательно, что здесь Маркс уже в тексте первого тома “Капитала” прямо указывает на то, что выстраиваемая система нового империалистического разделения труда и неэквивалентного обмена могла быть осуществлена только благодаря монополюсальной концентрации крупной механической промышленности в одном регионе земного шара и установлению монополии центров капиталистического накопления на промышленное развитие. Другая же часть планеты вне зоны промышленно развитого ядра подвергалась принудительной деиндустриализации и загонялась в состояние слаборазвитости. Более поздние исследования, проведенные последователями Маркса, показали, что систематическое изъятие прибавочного продукта, производимого в этой, периферийной, части мировой экономики, осуществляемое посредством неэквивалентного обмена, закрепляет это состояние слаборазвитости и превращает развитие периферии в “развитие слаборазвитости” (А. Г. Франк).

Данная формулировка примечательна не только содержащейся в ней идеей центрально-периферийного разделения труда, вокруг которого структурируется мировая капиталистическая система. Интересно и то, что Маркс характеризует данное высказывание как всего лишь попутное замечание, которое с чисто фактической стороны касается “тех отношений, к которым наше теоретическое изложение еще не привело нас” [Маркс, 1960: с. 461]. А привести к нему должна была дальнейшая реализация указанного “плана шести книг”, требующая выстраивания опосредствующих абстрактную теорию по отношению к реальности мирового капитализма звеньев, что само по себе требовало перехода ко все более конкретным и богатым содержанием определения предмета, конечным пунктом которого является учение о мировом рынке и кризисах, то есть теория глобальной капиталистической системы. Подобная ситуация, когда Маркс в интересах сохранения логики исследования предмета в чистом виде абстрагируется от анализа ряда связан-

ных с ним явлений, относя это к разработке соответствующего специального учения о мировом рынке и кризисах, повторяется в “Капитале” не один раз. Например, изучая влияние колебания цен на норму прибыли, процессов связывания и высвобождения капитала на динамику его стоимости, он отмечает: “Явления, которые мы рассматриваем в этой главе, предполагают для своего полного развития существование кредита и конкуренции на мировом рынке, который вообще является базисом и жизненной атмосферой капиталистического способа производства. Однако эти более конкретные формы капиталистического производства могут быть исследованы ... лишь после того, как будет выяснена общая природа капитала; к тому же такое исследование не входит в план нашей работы и относится к теме, которая могла бы составить ее продолжение” [Маркс, 1961: с. 122–123].

Как уже было сказано, Маркс связывает функционирование системы нового международного разделения труда с действием закона стоимости в его “интернациональном применении” [Маркс, 1960: с. 571]. Здесь происходит модификация закона стоимости по сравнению с его развертыванием на уровне категории “капитал вообще” и функционированием капитала на национальном уровне. Маркс показывает, каким образом действие закона стоимости на уровне мирового рынка порождает международную эксплуатацию отсталых стран богатыми и развитыми капиталистическими странами посредством неэквивалентного обмена разными количествами труда. Собственно, неэквивалентный обмен, при котором одна группа стран систематически присваивает прибавочный труд другой, и является источником отсталости последней.

Внутри одной страны различия интенсивности и производительности труда выравниваются по национальному среднему уровню. Как отмечает Маркс: “В каждой стране существует известная средняя интенсивность труда; труд, не достигающий этой средней интенсивности, означает затрату на производство данного товара времени больше, чем общественно необходимо в этой стране, и потому не является трудом нормального качества. Только та степень интенсивности, которая поднимается выше национальной средней, изменяет в данной стране измерение стоимости простой продолжительностью рабочего времени”. На уровне мирового рынка, “интегральными частями которого являются отдельные страны”, действуют другие закономерности. Средняя интенсивность труда в различных странах неодинакова. Эти национальные средние образуют шкалу, единицей измерения которой является средняя единица труда всего мира. Более интенсивный национальный труд по сравнению с менее интенсивным производит в равное время большую стоимость, которая выражается в большем количестве денег [Маркс, 1960: с. 571].

Но закон стоимости “в его интернациональном применении”, то есть на уровне мирового рынка, где сталкиваются страны с различным уровнем развития капиталистического производства, что можно представить как столкновение совокупных общественных капиталов (в данном случае под общественными понимаются страновые) с различным органическим строением, “претерпевает ещё более значительные изменения”. Это происходит “благодаря тому, что на мировом рынке более производительный национальный труд принимается в расчёт тоже как более интенсивный, если только конкуренция не принудит более производительную нацию понизить продажную цену её товара до его стоимости” [Маркс, 1960: с. 571]. Причина, как мы уви-

дим далее, заключается в международных различиях в органическом строении капитала, с которыми связаны различия в производительности труда.

Данный случай, когда более производительный национальный труд на мировом рынке воспринимается как более интенсивный, может быть связан с установлением отношений эксплуатации, при которых “три рабочих дня одной страны могут обмениваться на один рабочий день другой страны”. Маркс вновь подчеркивает, что закон стоимости “претерпевает здесь существенную модификацию”. То есть “рабочие дни различных стран могут относиться друг к другу так, как внутри одной страны квалифицированный, сложный труд относится к неквалифицированному, простому труду. В этом случае более богатая страна эксплуатирует более бедную даже тогда, когда последняя выгадывает от обмена” [Маркс, 1964: с. 571].

Маркс непосредственно не дает систематического объяснения механизма международной эксплуатации и неэквивалентного обмена, но это объяснение может быть извлечено из разработанной им концепции распределения прибавочной стоимости и раскрытого им действия фундаментального закона конкуренции, обуславливающего возможность продажи капиталистом товара с прибылью, даже если он продает его ниже стоимости. Источником прибыли является прибавочная стоимость, превращенной формой которой прибыль и является. Однако по своей величине прибыль может отклоняться от величины прибавочной стоимости. Прибыль возникает из разности между ценой, по которой товары продаются, и издержками производства товаров. Полная стоимость капиталистически произведенных товаров распадается на стоимость средств производства, стоимость переменного капитала, возмещающего стоимость рабочей силы, и прибавочную стоимость. Сумма постоянного и переменного капитала, затраченного на производство товара, образует капиталистические издержки производства. Если товар продается по цене, превышающей издержки его производства, он уже продается с прибылью, даже если товар будет продан ниже стоимости, то есть прибавочная стоимость будет реализована не полностью. Ведь до тех пор, пока продажная цена товара выше издержек его производства, если даже при этом она и ниже его стоимости, будет реализовываться часть заключающейся в нем прибавочной стоимости, следовательно, будет получаться прибыль. Как отмечает Маркс, между стоимостью товара и издержками его производства, возможен целый ряд продажных цен, и пределы этих промежуточных цен тем больше, чем больше доля прибавочной стоимости в стоимости товара. Основной закон капиталистической конкуренции, “не понятый до сих пор политической экономией, закон, регулирующий общую норму прибыли и определяемые ею так называемые цены производства, основывается... на этой разнице между стоимостью товара и его издержками производства и на вытекающей из нее возможности с прибылью продавать товар ниже его стоимости” [Маркс, 1961: с. 44–45].

Таким образом, действие закона конкуренции, порождающего тенденцию к выравниванию нормы прибыли, то есть установлению равной прибыли на равный капитал, и таким образом перераспределяющего прибавочную стоимость между различными группами капиталистов соответственно величине капиталов, предполагает различие между стоимостью и ценой производства, включающей в себя издержки производства и среднюю прибыль. И поскольку величина прибыли и величина прибавочной стоимости могут не совпадать, то “капитал может быть обменян с прибылью без того, чтобы

реализовать увеличение своей стоимости в строгом смысле”. Из этого следует, что не только индивидуальные капиталисты, но и страны могут систематически обмениваться друг с другом, а также непрерывно повторять обмен во все возрастающем масштабе без того, чтобы они вследствие этого получали одинаковую прибыль. Это означает, что “одна нация может все время присваивать себе часть прибавочного труда другой, не давая ничего взамен, но только здесь мерило иное, чем при обмене между капиталистом и рабочим” [Маркс, 1969: с. 384].

Конкуренция, сама по себе не создавая стоимости, только распределяет ее посредством выравнивания цен, что ведет к трансформации стоимости в цену производства и формированию средней прибыли. Межотраслевая конкуренция и мобильность капитала приводит к тому, что различные нормы прибыли, существующие в различных отраслях капиталистического производства, выравниваются в общую или среднюю норму прибыли. Это выравнивание осуществляется путём перераспределения капитала и труда между отраслями. С образованием средней нормы прибыли капиталисты одних отраслей, в которых преобладает трудоемкое производство, лишаются части прибавочной стоимости, созданной их рабочими. Капиталисты же других отраслей, в которых преобладает капиталоемкое производство, реализуют избыток прибавочной стоимости. Дело в том, что чем выше органическое строение капитала, тем меньше стоимость товара, поэтому при продаже его по своей стоимости, которая ниже чем сложившаяся в результате межотраслевой конкуренции единая цена производства, включающая в себя возмещение издержек производства и получение средней прибыли, товары, произведенные капиталами с высоким органическим строением, продаются по цене выше, чем их стоимость, которую они реализуют, извлекая прибавочную стоимость из товаров, произведенных капиталами с низким органическим строением и обладающих более высокой стоимостью, но продаваемых по ценам ниже их стоимости. Иными словами, превышающая среднюю прибыль прибавочная стоимость, созданная в отраслях с более низким органическим строением капитала реализуется капиталами с более высоким органическим строением капитала. Картина выглядит еще более сложной, если учесть, что условия производства на предприятиях даже одной данной отрасли различны и соответственно различны индивидуальные цены производства, которые определяются индивидуальными издержками производства плюс средняя прибыль. Но реализуются товары по общей, средней цене производства. Таким образом, для капиталистического производства характерно несоответствие между стоимостью и рыночными ценами товаров, колеблющимися вокруг цены производства, что создает возможность перераспределения прибавочной стоимости между различными группами капиталистов.

То, что товары могут иметь различные стоимости, но единую общую цену производства, является методологическим ключом к решению проблемы выявления механизма неэквивалентного обмена как безвозмездной передачи части стоимости, созданной экономикой отсталой капиталистической страны, индустриально развитой стране на основе действия закона стоимости. Учитывая, что для капитализма вообще характерно наличие транснациональных потоков инвестиций, товарных потоков и транснационального производства, следует полагать, что цены производства формируются на уровне мирового рынка. Именно поэтому Маркс и указывал, что “про-

мышленный капиталист постоянно имеет перед собой мировой рынок, он сравнивает и постоянно должен сравнивать свои собственные издержки производства с рыночными ценами не только в своей стране, но и с мировыми ценами. В более ранние периоды это сравнение выпадает на долю почти исключительно купцов и обеспечивает таким образом торговому капиталу господство над промышленным капиталом” [Маркс, 1961: с. 369–370]. Если применить категории, разработанные Марксом, к уровню мирового рынка, можно раскрыть закономерности распределения стоимости и ее передачи от периферийной экономики экономике центра капиталистической системы.

Исходя из указанных предпосылок, содержащихся в Марксовой теории стоимости, концепции трансформации стоимости в цену производства, учении о конкуренции и перераспределении прибавочной стоимости, марксистские исследователи Х.Гроссман, Р.Роздольский, А.Эммануэль, Ш.Беттельхейм, С.Амин, Р.М.Марини, К.Паллуа и Э.Дуссель пытались показать, каким образом открытые Марксом закономерности проявляются на мировом рынке, и дать теоретическое объяснение явлению международной империалистической эксплуатации, суть которой они видели в передаче прибавочной стоимости от периферийной экономики экономике центра.

Одна из наиболее ранних попыток такого рода принадлежала австрийскому марксисту, единственному экономисту Франкфуртской школы, Х.Гроссману. В своей работе “Закон накопления и крах капиталистической системы” (1929) он отмечал: “В международной торговле отсутствует обмен эквивалентами, поскольку, как и на внутреннем рынке, наблюдается тенденция к выравниванию норм прибыли. Поэтому товары высокоразвитой капиталистической страны, то есть страны с более высоким органическим строением капитала, продаются по ценам производства, которые всегда выше их стоимости. С другой стороны, товары отсталой страны продаются по ценам производства, которые должны быть ниже их стоимости. ... Таким образом, обращение товаров на мировом рынке предполагает передачу прибавочной стоимости от менее развитых более развитым капиталистическим странам, поскольку распределение прибавочной стоимости определяется не количеством рабочих, занятых в каждой стране, а величиной функционирующего капитала” [Grossman, 1992: p. 170].

В более позднее время аргентинский философ Э.Дуссель, на основании тщательного изучения “Экономических рукописей 1861–1863 годов” К.Маркса, пытался раскрыть суть закона зависимости как международного общественного отношения господства между различными группами буржуазии, в основе которого лежит передача прибавочной стоимости. Распространяя Марксову концепцию распределения прибавочной стоимости на уровень мирового рынка, Э.Дуссель приходит к выводу, что при международном обмене товаров, являющихся продуктами совокупных национальных капиталов с различным уровнем развития, то есть капиталов различного органического строения с различной средней национальной заработной платой, товары более развитого капитала будут обладать меньшей стоимостью. Но поскольку конкуренция выравнивает цены товаров в единую среднюю цену, товары с более низкой стоимостью, являющиеся продуктом более развитого национального капитала, получают большую, чем их стоимость, цену, которую они реализуют, извлекая прибавочную стоимость из товаров с более высокой стоимостью. Поэтому товары менее развитого капитала, хотя они могут реализовать прибыль, если их цена меньше междуна-

родной средней цены, передают прибавочную стоимость, поскольку средняя международная цена меньше национальной стоимости того же самого товара. Это основной способ присвоения прибавочной стоимости посредством механизма мирового рынка, на котором происходит конкуренция товаров индустриально развитых и индустриально отсталых стран [Dussel, 2001: p. 225]. Отсталые страны в этом случае вынуждены продавать свои продукты ниже их стоимости, ибо “продукт отсталой нации дешевле, чем продукт капиталистически развитой нации. Речь идет о денежной цене. И тем не менее, кажется, что продукт развитой нации есть продукт гораздо меньшего количества труда (затраченного в течение года), чем продукт отсталой нации” [Маркс, 1964: с. 528].

На основе описанного механизма неэквивалентного обмена возникает и другой, производный от него. Он основан на неразрывной взаимосвязи и взаимодействии двух аспектов капиталистических отношений — отношений классовой эксплуатации между капиталом и наемным трудом и отношений между капиталами, в данном случае совокупными страновыми капиталами. Сущность неэквивалентного обмена заключается в передаче стоимости от менее развитого совокупного странового капитала более развитому. Но создается стоимость трудом рабочих. Именно стоимость, присваиваемая капиталом посредством эксплуатации труда, является объектом передачи от капитала отсталой страны капиталу страны индустриально развитой. Отсюда, как говорит бразильский экономист Руй Мауро Марини в своей классической работе “Диалектика зависимости”, стремление капиталистов отсталой страны компенсировать потерю стоимости путем усиления эксплуатации живого труда. Так возникает феномен сверхэксплуатации, основанной на том, что капитал периферии стремится понизить цену рабочей силы даже ниже стоимости ее воспроизводства [Valencia, 2017: p. 35–36]. В силу этого неэквивалентный обмен на мировом рынке является также опосредствованно эксплуатацией капиталом индустриально развитых стран рабочей силы стран отсталых. В рамках данного отношения капитал слаборазвитых стран выступает посредником в передаче стоимости, созданной рабочим классом слаборазвитых стран, капиталу индустриально-развитых стран. Но оно также создает предпосылки для извлечения прибавочной стоимости посредством прямой эксплуатации труда периферийных стран капиталом индустриально развитых стран.

Последнее связано с тем, что вложениям капитала капиталистических индустриально развитых стран в экономику отсталых стран обеспечена более высокая норма прибыли вследствие характерных для последних более низкого органического строения капитала и отмеченных выше более высокой эксплуатации рабочей силы и более высокой прибавочной стоимости. Как поясняет Маркс: “... Что касается капиталов, вложенных в колониях и т.д., то они могут давать более высокие нормы прибыли, так как там вследствие низкого уровня развития норма прибыли выше вообще, а в связи с применением рабов, кули и т.п. выше и степень эксплуатации труда” [Маркс, 1961: с. 260–261].

Маркс объясняет это тем, что как только народы, у которых производство основано на докапиталистических формах эксплуатации, осуществляется “еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д.”, вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства, делающий преобладающим интересом продажу

продуктов этого производства за границу, “так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда”. В качестве примера он приводит труд негров в южных штатах Американского союза, носивший поначалу умеренно-патриархальный характер, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей владельцев плантаций. Но по мере того как главной целью производства становится не потребительная, а прибавочная стоимость и экспорт хлопка превращается для этих штатов в жизненный интерес, чрезмерный труд негра, убивавший его в течение семи лет труда, становится необходимым элементом этой системы производства. То же самое происходило с барщинным трудом в Дунайских княжествах [Маркс, 1960: с. 247]. То же происходило повсюду в капиталистической ойкумене.

Следовательно, поскольку создаваемая рабочей силой стоимость в “колониях и т. д.” выше и капиталисты могут получить добавочную прибыль от более высокой эксплуатации туземных рабочих, капиталы индустриально развитых стран устремляются в слаборазвитые страны с дешевой рабочей силой и более низким органическим строением капитала. Маркс подробно разъясняет, каким образом в отсталых странах происходит образование более высокой нормы прибыли вследствие более низкой капиталоемкости их производства, то есть более низкого органического строения совокупного странового капитала:

“Этот случай особенно важен, когда сравниваются между собой национальные нормы прибыли. Пусть в какой-либо европейской стране норма прибавочной стоимости = 100%, т. е. рабочий половину дня работает на себя и половину дня на предпринимателя; пусть в какой-либо азиатской стране норма прибавочной стоимости = 25%, т. е. рабочий 4/5 дня работает на себя и 1/5 на предпринимателя. Пусть в европейской стране строение национального капитала будет $84c + 16v$, а в азиатской стране, где применяется мало машин и т. п. и в течение данного периода данным количеством рабочей силы производительно потребляется сравнительно мало сырья, строение будет $16c + 84v$. Тогда мы получаем следующий расчёт:

В европейской стране стоимость продукта = $84c + 16v + 16m = 116$; норма прибыли = $16/100 = 16\%$.

В азиатской стране стоимость продукта = $16c + 84v + 21m = 121$; норма прибыли = $21/100 = 21\%$.

Таким образом, норма прибыли в азиатской стране более чем на 25% выше, чем в европейской, хотя норма прибавочной стоимости в ней в четыре раза меньше” [Маркс, 1961: с. 164]. (Согласно принятым Марксом обозначениям c означает постоянный капитал, v — переменный капитал, m — прибавочную стоимость).

Концепции распределения прибавочной стоимости и конкуренции, разработанные Марксом в третьем томе “Капитала”, служат фундаментом для понимания принципов функционирования капиталистической мировой экономики, вырастающей из стремления капитала к бесконечному самовозрастанию. Ключевым теоретическим звеном, обеспечивающим связь между двумя аспектами империализма — международной эксплуатацией на основе неэквивалентного обмена и глобальной экспансией капитализма, выступает закон тенденции средней нормы прибыли к понижению, согласно которому рост органического строения капитала ведет к понижению средней нормы прибыли. Его действием можно объяснить, каким образом глобальная экс-

пансия до определенной степени позволяла капитализму разрешать свои внутренние противоречия. Маркс отмечал, что данный закон действует как тенденция, пролагающая себе путь сквозь противодействующие ему факторы — контртенденции. В третьем томе “Капитала” Маркс называет среди важных противодействующих падению нормы прибыли факторов понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, внешнюю торговлю и вложения капитала в экономически отсталых странах, то есть реализацию потребности капитала в постоянно расширяющемся рынке. Это позволяет удешевить элементы постоянного капитала, например, сырья, поставляемого колониями, и необходимых жизненных средств рабочих, что способствует уменьшению стоимости рабочей силы в метрополиях, а также прибегнуть к усиленной эксплуатации огромных масс дешевой рабочей силы в колониях.

Таким образом, внешняя экспансия капитала, торговля и инвестиции, способствуют повышению нормы прибыли, поскольку понижают стоимость постоянного капитала, а кроме того, дают возможность повышать норму прибавочной стоимости вследствие понижения стоимости рабочей силы за счет удешевления ее жизненных средств в индустриально развитых странах и эксплуатации рабочей силы в слаборазвитых странах. В силу того, что капиталы, вложенные в экономически отсталых странах, благодаря дешевизне рабочей силы и сырья могут давать более высокую норму прибыли, повышается прибыльность в мировой экономике в целом. Отсюда вырисовывается действие механизма глобальной экспансии капитализма, который в самом общем виде выглядит следующим образом.

Когда капитал, то есть совокупные общественные капиталы индустриально развитых стран как главных центров глобальной системы накопления сталкиваются с понижением мировой нормы прибыли, он распространяется на еще не освоенную им часть планеты и превращает ее в новую капиталистическую периферию, делает ее источником дешевых сырья и рабочей силы, а заодно и рынком сбыта. То есть он превращает ее в средство, позволяющее оживить реализацию и самовозрастание капитала. В более ранней версии Маркс характеризует этот процесс следующим образом: “Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых”. Но этим она только “подготавливает более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им” [Маркс, 1955а: с. 430].

Вот как Маркс и Энгельс в 1850 году объясняли причины быстрого выхода капитализма из поразившего его в середине 1840-х годов экономического кризиса и вызванного им революционного кризиса 1848 года.

С одной стороны в Англии “разразившийся осенью 1845 г. торговый кризис дважды был прерван — в начале 1846 г. благодаря решениям парламента о свободе торговли и в начале 1848 г. — февральской революцией”. С одной стороны, февральская революция временно почти совершенно приостановила деятельность континентальной промышленности и тем самым помогла англичанам довольно легко пережить год кризиса. Она способствовала ликвидации скопившихся товарных запасов на заокеанских рынках, и это сделало возможным новый подъем промышленности весной 1849 года. Этот подъем распространился также и на значительную часть континентальной промышленности. Но с другой стороны, Маркс и Энгельс отмечают

еще одно событие, которое, по их мнению, было еще более важным, чем февральская революция — открытие калифорнийских золотых приисков. Его социально-экономические последствия были огромны. По их словам, разливаясь потоками по Америке и азиатскому берегу Тихого океана калифорнийское золото “втягивает даже самые непокорные варварские народы в мировую торговлю, в цивилизацию”. В свою очередь, вызванная этим открытием, глобальная экспансия капитала радикально изменяет структуру мировых экономических отношений. А в результате этой экспансии “во второй раз мировая торговля получает новое направление”. И если в древности центрами мировой торговли были Тир, Карфаген и Александрия, в средние века Генуя и Венеция, в первой половине XIX века — Лондон и Ливерпуль, то теперь ими становятся Нью-Йорк и Сан-Франциско.

Если в средние века “средоточием мировых сношений” была Италия, а в новое время Англия, то теперь таким центром мировых экономических отношений становится “южная половина североамериканского полуострова”, то есть юг Соединенных Штатов. Отсюда Маркс и Энгельс предсказывают, что с дальнейшим развитием вширь и вглубь мирового рынка “Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море, — роль великого водного пути для мировых сношений; а Атлантический океан будет низведен до роли внутреннего моря, какую теперь играет Средиземное море” [Маркс, 1956: с. 232–233]. Они также отмечают, что европейские цивилизованные страны попадут в такую же промышленную, торговую и политическую зависимость от Соединенных Штатов, в какой “в настоящее время находятся Италия, Испания и Португалия”. Таким образом, Маркс и Энгельс показывают, как расширение мирового рынка, втягивание в него новых территорий и открытие новых сфер приложения капитала помогает капитализму преодолеть кризис и обеспечить себе фундамент для нового подъема, охватившего два десятилетия 1850–1870-х годов. И уже в начале этого периода Маркс и Энгельс предупреждали, что при том колоссальном увеличении производительных сил, которое наблюдалось в английской промышленности в 1846–1847 годах и особенно в 1849-м по сравнению с 1843–1845 годами и которое все еще продолжается, остающиеся еще рынки, в особенности северо- и южноамериканские, а также австралийские, скоро точно так же будут переполнены [Маркс, 1956: с. 232–233], что и произошло. На самом деле, после двух крупных мировых рецессий 1857 и 1866 годов мировая экономика вступила в период длительного экономического упадка.

Вот эта эпоха последней трети XIX века, основные черты которой Ленин обобщил в понятии империализма, выделив среди ее важных признаков экспорт капитала из империалистических держав в колониальные и полуколониальные страны, была также эпохой Великой депрессии 1873–1896 годов. Причиной депрессии были вызванные интенсивным накоплением капитала в предшествующие десятилетия 1855–1871 годов рост органического строения капитала, снижение нормы прибавочной стоимости, нормы прибыли и инвестиций. В связи с этим переход к империализму как новой фазе развития капитализма был обусловлен необходимостью для капитала империалистических держав увеличить падающую норму прибыли, без чего накопление капитала переживало застой. Глобальная экспансия, сопровождавшаяся ростом потоков капитала с целью вовлечения в процесс капиталистической эксплуатации новых территорий и групп рабочей силы

и более основательной эксплуатации старых рынков, позволяла империалистическим странам присваивать произведенную на периферии капиталистического мира прибавочную стоимость и таким образом повышать норму прибыли. И как обычно, новый раунд глобальной экспансии капитала, который нередко именуется первой глобализацией или первой волной глобализации в XIX веке, сопровождался империалистическим соперничеством, борьбой за раздел и передел мира, что, в конечном счете, привело к двум мировым войнам.

Когда после “славного тридцатилетия” капитализма 1945–1975 годов норма прибыли ведущих индустриально развитых капиталистических стран вновь резко снизилась, стратеги капитала разработали проект новой — неолиберальной — глобализации, в ходе которой группа империалистических индустриально развитых держав прибегла в целом к тем же средствам противодействия понижению средней нормы прибыли, которые были описаны Марксом. Важнейшим среди них стала возобновленная усиленная экспансия капитала в страны третьего мира, обладающие огромными резервами дешевой рабочей силы. С целью облегчения этой экспансии на периферии капиталистической системы были существенно снижены торговые барьеры, сняты ограничения на транснациональные потоки капитала, навязана политика приватизации, благодаря чему западные транснациональные корпорации и финансовые институты могли осуществлять инвестиции и захватывать контроль над командными высотами экономики. Иностранные инвестиции, рост международной торговли и потоков капитала позволяли капиталистическим центрам системы до определенной степени компенсировать падение нормы прибыли, которая вновь стала расти с начала 1980-х годов до 1997 года, хотя и не достигала показателей времен “славного тридцатилетия”. Существенным здесь было то, что благодаря неолиберальной экспансии капитала в сферу капиталистической эксплуатации были вовлечены огромные массы разоряемого безземельного крестьянства, а большая часть возникшего из него новоявленного пролетариата оплачивалась ниже стоимости его рабочей силы. И эта возможность сверхэксплуатации, а значит и возможность присвоения в возрастающих масштабах созданной трудом периферии прибавочной стоимости обуславливают её критическую значимость для поддержания жизнеспособности капиталистической системы в период неолиберальной глобализации.

Проблема в том, что разрешение своих противоречий капитализм осуществляет противоречивым образом. В то время как на периферии системы глобальный капитал сосредоточивает звенья трудоемких производств глобальных товарных цепочек, в центрах системы он пытается увеличить прибавочную стоимость посредством новой “четвертой” промышленной революции и создания производительных сил нового научно-индустриального типа. Это ведет к росту производительности труда, механизации и более широкому внедрению трудосберегающих технологий, что позволяет продавать на мировом рынке товары по ценам ниже рыночной стоимости. Но это вновь ведет к росту органического строения капитала и падению нормы прибыли. Возобновление действия этой тенденции, преодолевшей контртенденции 1990-х годов, является глубинной причиной Великой рецессии 2007–2009 годов, которая, по мнению ряда экономистов, возвещает начало новой Великой депрессии [Roberts, 2016].

Попутно сделаем еще одно замечание, касающееся анализа Марксом империалистической экспансии капитализма в связи с проблемой кризисов. Во французском издании первого тома “Капитала”, имеющем, на что указывал сам Маркс, самостоятельную научную ценность, в главе “Всеобщий закон капиталистического накопления” Маркс говорит, что только после того, как, благодаря утверждению господства механической промышленности, внешняя торговля стала преобладать над внутренней, после того, как на арену выступило достаточное количество индустриальных стран и мировой рынок аннексировал Америку, Азию и Австралию, стало возможным выделить повторяющиеся самовоспроизводящиеся циклы, чьи последовательные фазы охватывают годы и которые всегда завершаются всеобщим кризисом (цит. по: [Anderson, 1983: p. 74]). Данная фраза, взятая из авторизованного французского перевода первого тома “Капитала”, издававшегося отдельными выпусками в 1872–1875 годах, представлена в советских русскоязычных изданиях первого тома “Капитала” 1920–1935 годов [Маркс, 1935: с. 504] в не совсем точном переводе И. Степанова-Скворцова. Последний передал выражение Маркса “мировой рынок аннексировал колоссальные области Америки, Азии, Австралии” как “мировой рынок открыл для себя колоссальные области в Америке, Азии, Австралии”, что несколько меняет смысл, смягчая значение агрессивности экспансии капиталистической системы. Тем не менее, это важное дополнение, внесенное Марксом в текст первого тома “Капитала” во французском издании, было учтено И. Степановым-Скворцовым. Этот пассаж, не учтенный Энгельсом при подготовке четвертого немецкого издания первого тома, ставшего основой для всех его последующих изданий на русском языке, начиная с середины 1930-х годов, выпал также и из них, на том основании, что перевод И. Степанова-Скворцова “сделан не с того текста “Капитала”, который нам оставлен Марксом и Энгельсом, а с текста, “обработанного” и местами искаженного Каутским”. В изданиях, начиная с 1937 года, “была произведена тщательная сверка русского перевода с 4-м немецким изданием и устранены изменения, произвольно внесенные Каутским в текст “Капитала”” [Маркс, 1952: с. III], хотя, как уточнялось редакцией прежних изданий, вставки и дополнения, осуществленные Каутским, являются “результатом перенесения Каутским в немецкое издание изменений, сделанных Марксом во французском издании” [Маркс, 1935: с. XI]. Как отметил сам И. Степанов-Скворцов, некоторые из вставок и дополнений из французского издания “настолько существенны и вносят такие перемены в известный по прежним русским переводам характер изложения, что в сущности только теперь устанавливается текст первого тома “Капитала” [Маркс, 1935: с. XI]. Как бы там ни было, по словам К. Андерсона, “этот абзац, по-видимому, не известный крупным теоретикам в начале века, таким как Роза Люксембург, мог бы способствовать дискуссии по империализму. Здесь Маркс, прямо в первом томе “Капитала”, устанавливает связь между своей теорией кризисов и феноменом современного империализма. В этом свете его необходимо обсуждать сегодня” [Anderson, 1983: p. 74].

В целом, исходя из действия закона стоимости в его интернациональном применении, можно предположить, что Маркс связал бы существование империализма как системы господства в мировой капиталистической системе с неэквивалентным обменом деятельностью, основанным на безвозмездной передаче стоимости, созданной в периферийных странах капиталистической

системы, ее индустриально развитым центрам. Это может происходить или посредством прямой эксплуатации туземной рабочей силы, или посредством механизма мирового рынка, на котором отсталые страны продают производимые ими товары ниже их стоимости развитым странами, продающим свои товары выше их стоимости, согласно среднему мировому уровню цен, либо посредством комбинации того и другого. Как разъясняет Маркс, капиталы, инвестированные во внешнюю торговлю, могут давать более высокую норму прибыли, поскольку здесь ведется конкуренция с товарами, производимыми другими странами при менее благоприятных условиях производства, то есть странами с менее развитой системой производства. В этом случае страна более развитая продаёт свои товары выше их стоимости, хотя и дешевле конкурирующих стран. “Совершенно так же, как фабрикант, применяющий новое изобретение прежде, чем оно нашло всеобщее распространение, продает дешевле своих конкурентов и всё-таки выше индивидуальной стоимости своих товаров, т.е. сравнительно более высокую производительную силу применяемого им труда превращает в прибавочный труд. Он реализует таким образом добавочную прибыль” [Маркс, 1961: с. 260].

Продолжая исследование распределения прибавочной стоимости между капиталами, на более конкретном уровне теоретической абстракции Маркс показывает, как прибавочная стоимость делится на составные части, включающие, помимо промышленной прибыли, торговую прибыль, процент и земельную ренту, достающиеся соответственно различным функциональным формам капитала — промышленному и торговому капиталу, земельным собственникам и ссудному капиталу. Введение на этом более конкретном уровне анализа понятий купеческого, торгового и ссудного капитала еще больше должно усложнить систему способов империалистической эксплуатации посредством выделения финансовой эксплуатации отсталых стран финансовой аристократией Запада.

Важно отметить, что выявленные Марксом органические тенденции развития капитализма, такие как всеобщий закон капиталистического накопления и закон тенденции средней нормы прибыли к понижению, обуславливают необходимость централизации и концентрации капитала. В конечном счете это должно привести к образованию крупных промышленных капиталов, подчиняющих себе процесс общественного производства, но делающих это посредством переплетения с денежным ссудным капиталом. Крупным шагом в этом направлении является возникновение акционерных обществ, обеспечивающих “колоссальное расширение масштабов производства и возникновение предприятий, которые были бы невозможны для отдельного капитала” [Маркс, 1961: с. 479]. В своей акционерной форме капитал получает непосредственно форму общественного капитала, и его предприятия в противоположность частным выступают как общественные предприятия. Маркс характеризует акционерный капитал как упразднение капитала в качестве частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства и как уничтожение капиталистического способа производства в пределах капиталистического способа производства. Такое противоречие “ведет к установлению монополии и потому требует государственного вмешательства” [Маркс, 1961: с. 479, 481–482]. Энгельс в связи с этим указывал на развитие новых, монополистических, форм промышленного предприятия, представляющих вторую и третью степень акционерного общества — картелей, международных картелей и трестов. Как формы развития

обобществления производства они представляют собой переходной пункт к новой форме производства — “к превращению всех основных функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции” [Маркс, 1961: с. 481–482].

Указанные выше органические тенденции и необходимость развития акционерной формы капитала требуют развития системы кредита, концентрации и централизации денежного ссудного капитала, которые, способствуя развитию акционерной формы капитала, в свою очередь, ведут к развитию фиктивного капитала. Ибо акционерная форма капитала “воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов ... воспроизводит целую систему мошенничества и обмана в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это частное производство без контроля частной собственности” [Маркс, 1961: с. 481–482]. В конце концов, обособляясь в ходе развития кредитной системы от промышленного капитала в особую разновидность, ссудный капитал может осуществлять накопление без всякой связи с реальным накоплением [Маркс, 1962: с. 39] посредством чисто технических средств, среди которых Маркс называет “расширение и концентрацию банковского дела”. Концентрация и централизация в руках банков ссудного денежного капитала превращает их в общих распорядителей денежного капитала, берущих и дающих взаймы “для всего торгового мира” [Маркс, 1961: с. 442–443]. Как кассиры и кредиторы промышленных капиталистов банки начинают играть исключительно важную роль в процессе общественного воспроизводства. На основе этих положений Маркса Ленин, наблюдая развитие вскрытых Марксом тенденций, в дальнейшем развил теорию империализма как стадии капитализма, характерными признаками которой являются господство монополий и финансового капитала и которая доводит обобществление производства в мировых масштабах до такой степени, что остановится такой ступенькой, между которой и социализмом никаких других исторических ступенек нет.

Отметим, что приведенные выше положения Маркса об эксплуатации на основе различия цен на товары, произведенные в империалистических и периферийных странах, были воспроизведены в гипотезе Пребиша–Зингера, выдвинутой в 1949–1950 годах независимо друг от друга британским экономистом Х.Зингером, работавшим в экономическом отделе ООН, и главой Экономической комиссии ООН по Латинской Америке аргентинским экономистом Р.Пребишем. Оба экономиста сформулировали вывод о существовании долгосрочной тенденции ухудшения условий торговли стран, производящих сырьевые товары, с капиталистическими индустриально развитыми странами, производящими промышленные товары. Отсюда вытекает неизбежное расхождение между ростом цен на продукцию обрабатывающей промышленности и снижением цен на сырье, вследствие чего основные выгоды из внешней торговли извлекают страны-производители конечной продукции, тогда как положение импортирующих эту продукцию стран, специализирующихся на производстве сырья, неизбежно ухудшается. Это закрепляет состояние слабозажитости стран-экспортеров сырья и увеличивает их разрыв с развитыми странами. Правота гипотезы Пребиша–Зингера, положившей начало разработке концепций периферийного капитализма, неэквивалентного обмена, зависимого развития и слабозажитости, была подтверждена в исследовании сравнительной динамики

рынков сырья и конечных продуктов за 460 лет (с 1650 года), проведенном специалистами МВФ и опубликованном в 2013 году [Arezki, 2013]. Нужно отметить, что годом ранее в докладе, подготовленном Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам, отмечалось, что исследование динамики цен на сырьевые товары в 1865–2009 годах позволило выделить четыре суперцикла длительностью 30–40 лет каждый. Как отмечалось в докладе, среднее значение каждого суперцикла нефтяных товаров, как правило, ниже, чем в предыдущем цикле, что подтверждает гипотезу Пребиша–Зингера. При этом самая сильная и самая крутая долгосрочная тенденция к снижению в течение XX века была характерна для тропического сельского хозяйства, за которым следовали цены на продукцию нетропического сельского хозяйства и металлы [Erten, 2012].

Данные исследования, надежно подтвердившие тезис Пребиша–Зингера, являются важным эмпирическим обоснованием концепции неэквивалентного обмена, основы которой начал закладывать Маркс. И хотя значительная часть марксистских исследователей, в том числе и советских, отвергали концепцию неэквивалентного обмена, считая ее неудачной теоретической конструкцией теории зависимости, логика борьбы против империализма неизбежно вела к необходимости разоблачения неэквивалентного обмена между империалистическими и развивающимися странами. Ярким примером такой полемики было выступление Ф.Кастро на 34-й сессии Генеральной ассамблеи ООН 12 октября 1979 года. Лидер кубинской революции отметил, что неэквивалентный обмен в международных экономических отношениях, провозглашенный в качестве основной характеристики системы, стал еще более неравным, если это вообще возможно. Хотя цены на промышленные товары, капитальные активы, продукты питания и услуги, которые развивающиеся страны импортируют из развитых стран, постоянно растут, цены на основные продукты, экспортируемые развивающимися странами, стагнируют и подвергаются постоянным колебаниям. В результате условия обмена ухудшаются. Поэтому первая фундаментальная цель борьбы развивающихся стран состоит в том, чтобы уменьшить и полностью устранить неэквивалентный обмен, превращающий международную торговлю в инструмент разграбления богатства и ресурсов развивающихся стран. “Сегодня один час труда в развитых странах обменивается на десять часов труда в слаборазвитых странах... Неэквивалентный обмен разоряет наши народы. Это должно прекратиться! ... Экономическая пропасть между развитыми странами и странами, стремящимися к развитию, не сужается, а расширяется. И с этим должно быть покончено!” [Castro, 1979].

Однако, видя существенные различия в положении индустриально развитых и отсталых стран, Маркс, по всей видимости, не считал слаборазвитость структурно обусловленным, закрепленным, устойчивым и непреодолимым фактором развития периферии мировой капиталистической системы, долгое время полагая, что капиталистический прогресс, в конечном счете, приведет к выравниванию уровней развития и образованию более однородного капиталистического мира. Развитие капиталистических общественных отношений должно было создать необходимые условия для развития производительных сил и преодоления отсталости. Здесь следует учитывать, что Маркс разрабатывал свою теорию в эпоху, когда упомянутое им новое мировое разделение труда еще только складывалось и генерируемые капитализмом центрo-периферийные различия только начали принимать

четкую зримую форму отношений между индустриально развитыми и отсталыми обществами. Стоит помнить, что процесс “великой дивергенции” [Pomeranz, 2002] между Западом и остальной частью мира был отнюдь еще не завершен. В XVIII веке различия в доходе и ВВП между Европой, с одной стороны, и Китаем и Индией — с другой, были весьма незначительны. Согласно утверждению П.Берока, подтверждаемому исследованиями А.Мэддисона, “весьма вероятно, что в середине XVIII века средний уровень жизни в Европе был немного ниже, чем в остальной части мира. Это было следствием высокого развития достигнутого китайской цивилизацией и важности этой страны для всего остального мира” [Bairoch, 1981: p. 7]. В 1800 году ВВП на душу населения в Европе и США был незначительно выше, чем в дельте реки Янцзы в Китае, и при этом доля Китая в мировом ВВП составляла в 1820 году 32,9% по сравнению с 26,6% Европы и 1,8% США [Maddison, 2007: p. 44]. Исследования китайских историков, таких как Ли Бочжон и Филипп Хуан, также свидетельствуют о том, что общее экономическое развитие региона дельты Янцзы в период правления династии Цинь превосходило экономическое развитие раннемодерной Англии [Bozhong, 2015; Huang, 1990: p. 4]. Только к концу XIX века ситуация изменилась на противоположную: доля Европы в мировом ВВП увеличилась до 40,3%, а доля Китая снизилась до 13,2% [Maddison, 2007: p. 44]. То есть деление мира на развитую и слаборазвитую части является продуктом развития промышленного капитализма в XIX веке. Оно сопровождалось резким экономическим и политическим взлетом индустриализирующейся Западной Европы во главе с Великобританией, оборотной стороной которого был относительный упадок великих цивилизаций Востока по мере их втягивания в мировую капиталистическую систему.

Как отмечает К.Бейли: “Исследование мировой истории этого периода не может обойти стороной центральное значение растущего экономического господства Западной Европы и Северной Америки. В 1780 году Китайская и Османская империи были по-прежнему могущественными державами мирового уровня, а большинство стран Африки и тихоокеанского региона принадлежали коренным народам. В 1914 году, напротив, Китай и Османское государство находились на грани распада, а Африка была жестоко подчинена европейским правительствам, торговым фирмам и предприятиям. В 1780–1914 годах европейцы экспроприировали обширные территории, принадлежавшие коренным народам, особенно в северной и южной частях Африки, в Северной Америке, Центральной Азии, Сибири и Австралии. Если валовой внутренний продукт на душу населения в Западной Европе и на побережье Северной Америки в 1800 году был в два раза больше, чем в Южной Азии, и лишь незначительно больше, чем в прибрежном Китае в 1800 году, то столетие спустя эта разница возросла до десяти и более раз” [Bayly, 2004: p. 2].

При этом подъем Запада и упадок Востока были взаимосвязанными процессами, или, скорее, двумя моментами одного глобального движения, в рамках которого индустриализация одной части мира осуществлялась за счет ресурсов и принудительной деиндустриализации другой. Это хорошо иллюстрируется воздействием на экономическое развитие Индии колониального господства Британии, индустриальный прогресс которой основывался на принудительном включении Индии в формирующуюся британоцентристскую мировую экономику. В конце XVIII века крупнейшими промышленными районами в мире были дельта Янцзы и Бенгалия, Линьян (со-

временные Гуандун и Гуанси) и прибрежный Мадрас. Только на Индию приходилось до четверти мирового промышленного производства. И хотя “докапиталистическая аграрная производительность труда была в Индии, вероятно, меньше японо-китайского уровня, индийский торговый капитал превосходил китайский” (цит. по: [Davis, 2002: p. 292]). Результатом экономического взаимодействия метрополии с колонией в рамках мировой капиталистической системы стало разрушение индийского промышленного производства с использованием административных мер колониальной системы управления, в результате чего Индия была загнана в отсталость. Как показывают исследования П.Партхасаратхи, стереотипы относительно прозябания в нищете индийских работников в доколониальную эпоху рушатся перед лицом новых данных о сравнительном уровне жизни. “Действительно, есть убедительные доказательства того, что в XVIII веке южноиндийские рабочие получили более высокие доходы, чем их британские коллеги в XVIII веке, и жили в условиях большей финансовой безопасности” [Parthasarathi, 1998: p. 82]. Поскольку производительность земли в Южной Индии была выше, чем в Европе, ткачи и другие ремесленники питались лучше, чем средние европейцы. Заработная плата среднего южноиндийского ткача была выше, чем у британских ткачей, проживающих в деревнях и малых городах, и сопоставима с заработной платой лондонских ткачей. Что еще более важно, уровень безработицы у них, как правило, был ниже, поскольку они обладали большей экономической силой. И даже сельскохозяйственные рабочие, принадлежавшие к касте неприкасаемых или вообще являющиеся изгоями, не принадлежавшими ни к одной касте, в Мадрасе зарабатывали больше в реальном выражении, чем английские батраки. К 1900 году ситуация изменилась [Parthasarathi, 1998: p. 83–88]. По подсчетам Р.Ч.Датта, к этому времени средний доход британского домохозяйства стал в 21 раз выше индийского (цит. по: [Davis, 2002: p. 292]).

Данные тенденции были четко зафиксированы Марксом. Но в середине XIX века западные индустриально развитые метрополии, в первую очередь Англия, только начинали закреплять за собой роль промышленных центров и превращать периферию в производителя сельскохозяйственных продуктов и сырья для потребностей своей промышленности. Это еще оставляло возможности для некоторых сильных государств воспользоваться преимуществами своего положения и, проводя активную и целенаправленную индустриализацию, избежать при переходе на новую стадию капиталистического развития периферизации и самим войти в число мировых индустриально развитых метрополий. Франция при бонапартистском режиме Наполеона III, Германия при Бисмарке и Япония в период правления императора Мейдзи дают примеры такого рода государств, которые К. Ван дер Пиль характеризует как государства-соперники либерального англосаксонского хартленда [Van der Pijl, 2006: p. 1–32], сумевшие преодолеть отставание. Россия же, упустившая исторический момент, не смогла догнать ведущие индустриально развитые капиталистические страны. Ее промышленное капиталистическое развитие было поставлено в зависимость от иностранного капитала. Она все более теряла статус великой державы и скатывалась на периферию капитализма. Чтобы предотвратить превращение ее в слаборазвитую страну, понадобилась социалистическая революция.

Незавершенность закрепления центрально-периферийной дифференциации мирового капитализма еще позволяла отождествлять отсталость с гос-

подством докапиталистических отношений, а развитость — с развитием капиталистических отношений, какими их можно было наблюдать в центрах системы, и сохранять представления о возможности преодоления отсталости по мере капиталистического прогресса. Четкое понимание того, что развитие и слаборазвитость, деление на центр и периферию являются необходимой структурной характеристикой самого капитализма как мировой системы, возникло позже. Возможно, если бы Маркс приблизился, как он и намеревался, к созданию специального учения о мировом рынке в качестве элемента “плана шести книг”, завершающего теорию капиталистического способа производства, эта проблематика получила бы у него исчерпывающую теоретическую разработку. Но этого не произошло. Заполнение этой теоретической лакуны осуществлялось уже В. Лениным, Р. Люксембург, Н. Бухариным и другими разработчиками теории империализма. А после Второй мировой войны последователи Маркса приступили к разработке углубляющих теорию империализма теоретических концептов слаборазвитости, периферийности, субразвития, развития слаборазвитости, люмпенразвития, неэквивалентного обмена. Однако необходимые теоретико-методологические основания этого были заложены Марксом.

Всемирность как результат отрицания капитализма и становления обобществившегося человечества

Хотя капитализм является по самой своей сути империалистической системой, его развитие и развертывание действия закона стоимости создает внутри капитализма материальные и социальные предпосылки уничтожения отчуждения и освобождения человечества от подчинения этой отчужденной силе. Важнейшей из данных предпосылок является развитие производительных сил, то есть деятельных сил самого человека, перерастающее узкие рамки самого капитала, становящегося препятствием этому развитию, в котором проявляется универсальная тенденция капитала, отличающая его от всех прежних ступеней производства. Ибо хотя капитал ограничен по самой своей природе, он стремится к универсальному развитию производительных сил и тем самым становится предпосылкой перехода к новому способу производства. Но вновь диалектика развертывания капитала ведет к тому, что универсальность, к которой стремится капитал, наталкивается на заложенную в его природе ограниченность. Последняя же, в конечном счете, на определенной ступени капиталистического развития заставляет осознать, что наибольшим препятствием для указанной тенденции является сам капитал, и это порождает тенденцию иного рода — к “уничтожению капитала посредством самого капитала” [Маркс, 1968: с. 387]. И обе эти тенденции, противоречащие капиталу как ограниченной форме производства, означают, что капитал в действительности является всего лишь переходным пунктом на пути к обществу нового, более высокого типа, и обе направляют его к гибели [Маркс, 1969: с. 32–33].

Производство прибавочной стоимости на основе развития производительных сил требует, по словам Маркса, “производства нового потребления”, чтобы соответственно производственному кругу расширился круг потребления. Последнее предполагает как количественное расширение потребления, так и создание новых потребностей путем распространения “уже существующих потребностей в более широком кругу”, для чего, в свою очередь, необхо-

димо “производство новых потребностей, открытие и создание новых потребительных стоимостей” [Маркс, 1968: с. 385]. Само это открытие и создание новых потребностей и удовлетворяющих их потребительных стоимостей предполагает развитие разделения и кооперации труда на основе возникновения новых форм деятельности, в совокупности которых раскрывается универсальность и всесторонность человеческого развития. Как отмечает Маркс, это означает, что “полученный прибавочный труд не остается всего лишь количественной добавкой, но что тут вместе с тем постоянно увеличивается круг качественно различных видов труда (тем самым и прибавочного труда), что этот круг делается все многообразнее и становится все более дифференцированным внутри самого себя” [Маркс, 1968: с. 386].

Накопление капитала как абстрактной формы общественного богатства, не имеющей внутри себя никаких количественных границ, означает его бесконечную экспансию, в ходе которой он стремится подчинить себе все окружающее его социальное пространство и время. И эта экспансия находит только внешний по отношению к природе этой общественной формы предел — физические границы планеты. Империализм капитала носит, поэтому, действительно глобальный характер, и этот империализм предполагает, по Марксу, исследование всей природы с тем, чтобы открыть новые полезные свойства вещей. Это включает в себя всестороннее исследование земных недр, цель которого заключается в открытии новых полезных ископаемых и в выявлении новых полезных свойств старых ископаемых, “например новых их свойств как источников сырья и т. д.”. С другой стороны, это требует универсального обмена продуктами всех климатических поясов планеты (“чужих друг для друга климатов и стран”); новых видов искусственной обработки природных предметов, “посредством которой им придается новая потребительная стоимость”. А это предполагает, наряду с развитием естествознания до наивысшей точки, также “открытия, создания и удовлетворения новых потребностей, порождаемых самим обществом”. В результате глобальное капиталистическое производство, интегрирующее производительные силы всей планеты, создает основу для формирования универсально развитых индивидов с “возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями”, и в этом заключается “великое цивилизующее влияние капитала” [Маркс, 1968: с. 386–387].

Таким образом, при капитализме оборотной стороной развития всеобщей универсальной системы общественных отношений и связей, выступающей основой всестороннего развития индивидов, благодаря которой они преодолевают ограниченность национальных и локальных рамок и вступают “в связь с производством всего мира” [Маркс, 1988: с. 35], является ее отчужденный, вещный, не зависящий от индивидов характер. Следствием этого является обособление индивидов и утрата непосредственной связи с общественным целым. Поэтому при господстве отчужденных и антагонистических частнособственнических отношений между людьми всемирное объединение человечества являет себя в отчужденной форме. И той конкретно-исторической формой, в которой проявляется всеобщая универсальная связь и взаимозависимость безразличных по отношению друг другу индивидов, является система отношений стоимости и товарного обмена, воплощающаяся в мировом капиталистическом рынке. Маркс показывает, каким образом обмен эквивалентов в рамках капиталистических отношений становится отношениями эксплуатации. В этих условиях объединение

человечества выступает в отчужденной форме всемирной системы империалистического господства с присущими ей неэквивалентным обменом и отношениями зависимости.

Но, разрушая характерную для предшествующей истории частнособственнических отношений экономическую раздробленность собственности и средств производства, объединяя местные, национальные и региональные рынки в мировой рынок, интегрируя производительные силы всего человечества посредством глобальных производственных сетей и стоимостных цепочек, превращая, таким образом, в ходе исторического развития “систему в целостность” [Маркс, 1968: с. 229], капитализм осуществляет обобществление труда в невиданных ранее масштабах. Поэтому создание в результате предыстории всеобщей универсальной общественной мировой взаимосвязи, опосредствованной вещными отношениями мирового рынка, является предпосылкой перехода к непосредственно общественному производству, преодоления отчуждения и уничтожения классового неравенства. Ее создание завершает процесс, начало которому было положено переходом от доклассового общества к классовому (см. также: [Маркс, 1968: с. 105]). И в конечном счете, само это отчуждение уничтожается посредством ниспровержения капиталистического общественного строя коммунистической революцией, уничтожающей отношения частной собственности. Революция завершает начатое при капитализме становление всемирности, глобальности общественных отношений, и освобождение “каждого отдельного индивида совершится в той же самой мере, в какой история полностью превратится во всемирную историю”. В результате уничтожения частнособственнических отношений стихийно сложившаяся всесторонняя зависимость как форма всемирно-исторической совместности индивидов благодаря коммунистической революции превращается в контроль и сознательное господство над силами, которые на этапе предыстории выступали как порожденные общественным взаимодействием людей силы отчуждения, неподконтрольные им и господствующие над ними [Маркс, 1988: с. 35].

Историческое оправдание капитализма — с его разрушительным влиянием централизации капитала на рынки всех стран — Маркс видит в том, что “буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, развить мировые сношения, основанные на взаимной зависимости всего человечества, а также и средства этих сношений; с другой стороны — развить производительные силы человека и обеспечить превращение материального производства в господство при помощи науки над силами природы” [Маркс, 1957: с. 230]. Сказанным и объясняется, почему всемирная история, являясь результатом всего предшествующего общественного развития, начинает становиться действительно непосредственно всемирной на заключительной, капиталистической, стадии предыстории. В свою очередь, превращение истории в действительно всемирную историю — необходимое условие и предпосылка ее превращения из предыстории в подлинную историю, совпадающую с переходом к коммунистическому типу развития. И лишь после того, как “великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов, — лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых” [Маркс, 1957: с. 230].

Но здесь перед Марксом вставал сложный вопрос. С одной стороны, нельзя было отрицать, что буржуазное общество в середине XIX века вторично пережило свой взлет, свой XVI век, такой XVI век, который, как надеялся Маркс, “так же сведет его в могилу, как первый вызвал его к жизни”. Основанием для подобного предположения было решение буржуазным обществом своей действительной задачи, состоящей “в создании мирового рынка, по крайней мере, в его общих чертах, и производства, покоящегося на базе этого рынка”. И поскольку “земля кругла, то, по-видимому, с колонизацией Калифорнии и Австралии и открытием дверей Китая и Японии процесс этот завершен”, то есть глобальный капиталистический рынок и глобальная капиталистическая экономическая система созданы. Трудный вопрос, на который у Маркса еще не было ответа, заключался в том, что если “на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер ... не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество продельвает еще восходящее движение?” [Маркс, 1962, с. 295]. Сам характер этого вопроса свидетельствовал, что у Маркса и Энгельса на тот момент еще не сложилось теоретическое понимание структурно обусловленного капитализмом характера слаборазвитости так называемых отсталых стран, развитие которых подчинено развитию центров капиталистического накопления и капитализм которых носит периферийный, зависимый характер. “Восходящее движение” этого зависимого периферийного капитализма более чем сомнительно, а социальные противоречия достигают такой остроты, что цепь глобальной капиталистической эксплуатации начинает впервые разрываться именно в ее периферийных “слабых звеньях”.

Одной из причин отсутствия такого понимания была незавершенность разработки марксистской политической экономии, находившейся в конце 1850-х годов еще на стадии формирования. Это не препятствовало тому, что уже в исследованиях 1840-х и начала 1850-х годов, заложивших социально-философские основания материалистической теории исторического процесса, Маркс и Энгельс раскрыли взаимообусловленность процессов развития капитализма и глобальности. Становление и развитие капиталистического общества являются одновременно возникновением всемирных отношений и всемирной истории в смысле непосредственной всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости социальных общностей, населяющих планету. Всемирность, глобальность, являясь результатом всей предшествующей истории, в подлинном смысле первоначально возникает, с точки зрения Маркса, на капиталистической основе. Она выступает как мировой рынок, складывающийся на основе мирового разделения труда, как всесторонняя связь наций и их зависимость друг от друга, как вовлечение всей планеты в западоцентристскую мировую капиталистическую систему. Этот тип глобальности вырастает из стремления направляемых отчужденными частно-собственническими отношениями капиталистических классов подчинить и поставить себе на службу производительные силы всей планеты. Для этого необходимо придать глобальный характер капиталистическим производственным отношениям, распространив их на все уголки планеты. Последнее с необходимостью предполагает создание глобальной системы империалистического господства и эксплуатации, формального и неформального колониализма, лежащих в основе мирового капиталистического рынка, подчиненного интересам капиталистических классов немногих западноев-

ропейских “великих держав” во главе с Великобританией как мировым гегемоном. Все эти аспекты возникновения всемирности и всемирной истории так или иначе находили отражение в работах основателей марксизма.

И уже в работах 1840–1850-х годов ими была четко сформулирована мысль, что в ходе исторического развития на смену разрываемой антагонистическими противоречиями капиталистической глобальности приходит новый коммунистический тип развития, открывающий перспективу всемирной истории как развития непосредственно единого человеческого общества — обобществившегося человечества или коммунистической ассоциации [Маркс, 1955а: с. 4].

Источники

Маркс, К. (1935). “Капитал”. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала. Москва: Партиздат.

Маркс, К. (1952). “Капитал”. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала. Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1955а). Тезисы о Фейербахе. В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 3 (с. 1–4). Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955b). Манифест Коммунистической партии. В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 4 (с. 419–459). Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1956). Первый международный обзор. В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 7 (с. 224–237). Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1957). Будущие результаты британского владычества в Индии. В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 9 (с. 224–230). Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1960). “Капитал”. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала. В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 23. Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1961). “Капитал”. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 1 (гл. I–XXVIII). В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 25, Ч. I. Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1962). Письмо Ф. Энгельсу, 8 октября 1858 г. В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 29 (с. 294–296). Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1964). Теории прибавочной стоимости. (IV том “Капитала”). Ч. 3 (гл. XIX–XXIV). В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 26, Ч. 3. Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1968). Экономические рукописи 1857–1859 годов. (Первоначальный вариант “Капитала”). В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 46, Ч. 1. Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1969). Экономические рукописи 1857–1859 годов. (Первоначальный вариант “Капитала”). В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 46, Ч. 2. Москва: Издательство политической литературы.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1988). *Немецкая идеология*. Москва: Издательство политической литературы.

Anderson, K. (1983). The “Unknown” Marx’s Capital, Vol. I: The French Edition of 1872–75, 100 Years Later. *Review of Radical Political Economics*, 15 (4), 71–80.

Arezki, R., Hadri, K., Loungani, P., Yao Rao. (2013). Testing the Prebisch-Singer hypothesis since 1650: evidence from panel techniques that allow for multiple breaks. *International Monetary Fund*. Retrieved from <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp13180.pdf>

Bairoch, P. (1981). The Main Trends in National Economic Disparities Since the Industrial Revolution. In P. Bairoch and M. Levy-Leboyer (Eds.), *Disparities in Economic Development since the Industrial Revolution* (pp. 3–17). London: Palgrave Macmillan.

Bayly, C. (2004). *The Birth of the Modern World, 1780–1914*. Oxford: Blackwell.

Castro, F. (1979). *Address at the General assembly to the 34th session of UN General Assembly*. Retrieved from <http://www.fidelcastro.cu/en/discursos/speech-delivered-34th-session-united-nations-general-assembly-new-york-city>.

Davis, M. (2002). *Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World*. London: Verso.

Dussel, E. (2001). *Towards An Unknown Marx: A Commentary on the Manuscripts of 1861–1863*. London: Routledge.

Erten B., Ocampo J. A. (2012). *Super-Cycles of Commodity Prices since the Mid-Nineteenth Century, UN-DESA*. Retrieved from https://www.un.org/esa/desa/papers/2012/wp110_2012.pdf

Grossman, H. (1992). *The Law of Accumulation and the Breakdown of the Capitalist System: Being also a Theory of Crises*. London: Pluto Press.

Huang, P. C. (1990). *The Peasant Family and Rural Development in the Yangzi Delta, 1350–1988*. Stanford: Stanford University Press.

Li Bozhong. (2015). The Early Modern Economy of the Yangzi Delta in a New Perspective. *Social Sciences in China*, 36 (1), 91–109

Maddison, A. (2007). *Chinese Economic Performance in the Long Run: 960–2030 AD*. Paris: OECD.

Pomeranz, K. (2001). *The Great Divergence: China Europe and the making of the modern world economy*. Princeton, Princeton University Press.

Prasannan, P. (1998). Rethinking Wages and Competitiveness in Eighteenth-Century Britain and South India. *Past & Present*, 158 (2), 79–109.

Roberts, M. (2016). *The Long Depression: Marxism and the Global Crisis of Capitalism*. London: Haymarket Books.

Valencia, A.S. (2017). *Sub-imperialism revisited: dependency theory in the thought of Ruy Mauro Marini*. Leiden: Brill Academic Publishers.

Van Der Pijl, K. (2006). *Global Rivalries: From the Cold War to Iraq*. London: Pluto Press.

Получено 15.06.2019

References

Anderson, K. (1983). The “Unknown” Marx’s Capital, Volume I: The French Edition of 1872–75, 100 Years Later. *Review of Radical Political Economics*, 15, (4), 71–80.

Arezki, R., Hadri K., Loungani, P., Yao Rao. (2013). Testing the Prebisch-Singer hypothesis since 1650: evidence from panel techniques that allow for multiple breaks. International Monetary Fund. Retrieved from <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp13180.pdf>

Bairoch, P. (1981). The Main Trends in National Economic Disparities Since the Industrial Revolution. In P. Bairoch and M. Levy-Leboyer (eds.), *Disparities in Economic Development since the Industrial Revolution* (pp. 3–17). London: Palgrave Macmillan.

Bayly, C. (2004). *The Birth of the Modern World, 1780–1914*. Oxford: Blackwell.

Davis, M. (2002). *Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World*. London: Verso.

Dussel, E. (2001). *Towards An Unknown Marx: A Commentary on the Manuscripts of 1861–1863*. London: Routledge.

Grossman, H. (1992). *The Law of Accumulation and the Breakdown of the Capitalist System: Being also a Theory of Crises*. London: Pluto Press.

Huang, P.C. (1990). *The Peasant Family and Rural Development in the Yangzi Delta, 1350–1988*. Stanford: Stanford University Press.

Maddison, A. (2007). *Chinese Economic Performance in the Long Run: 960–2030 AD*. Paris: OECD.

Marx, K. (1935). *Capital: Critique of Political Economy*. Vol. 1. Book I: The process of capital production. [In Russian] Moscow: Partizdat. [= Маркс, 1935]

Marx, K. (1952). *Capital: Critique of Political Economy*. Vol. 1. Book I: *The process of capital production*. [In Russian] Moscow: Publishing House of Political Literature. [= Маркс, 1952]

Marx, K. (1955a). *Theses On Feuerbach*. [In Russian] In K. Marx, F. Engels, *Works*. 2-nd ed. Vol. 3 (pp. 1–3). Moscow: Publishing House of Political Literature. [= Маркс, 1955]

Marx, K., Engels, F. (1955b). *Manifesto of the Communist Party* [In Russian]. In K. Marx, F. Engels, *Works*. 2-nd ed. Vol. 4 (pp. 419–459). Moscow: Publishing House of Political Literature. [= Маркс, Энгельс 1955b]

Marx, K., Engels, F. (1956). *Review: January-February 1850*. In K. Marx, F. Engels, *Works*. 2-nd ed. Vol. 7 (pp. 224–237). [In Russian] Moscow: Publishing House of Political Literature. [= Маркс, Энгельс 1956]

Marx, K. (1957). *The Future Results of British Rule in India*. [In Russian] In K. Marx, F. Engels, *Works*. 2-nd ed. Vol. 9. Moscow: Publishing House of Political Literature. [= Маркс, 1957]

Marx, K. (1960). *Capital: Critique of Political Economy*. Vol. 1. Book 1: The process of capital production. [In Russian] In K. Marx, F. Engels, *Works*. 2-nd ed. Vol. 23. Moscow: Publishing House of Political Literature. [= Маркс, Энгельс 1960]

Marx, K. (1961). *Capital: Critique of Political Economy*. Vol. 3. Book 3: The process of capitalist production, taken as a whole. Part 1 (Ch. I – XXVIII). [In Russian] In K. Marx, F. Engels, *Works*. 2-nd ed. Vol. 25, Part 1. Moscow: Publishing House of Political Literature. [= Маркс, 1961]

Marx, K. (1962). *Letter to Engels, October 8, 1858*. [In Russian] In K. Marx, F. Engels, *Works*. 2-nd ed. Vol. 29 (pp. 294–296). Moscow: Publishing House of Political Literature. [= Маркс 1962]

Marx, K. (1964). *Theories of Surplus Value*. (IVth volume of “Capital”). Part 3 (Ch. XIX – XXIV). [In Russian] In K. Marx, F. Engels, *Works*. 2-nd ed. Vol. 26, Part 3. Moscow: Publishing House of Political Literature. [= Маркс 1964]

Marx, K. (1968). *Economic Manuscripts of 1857–1859*. (The Original Version of “Capital”). [In Russian] In K. Marx, F. Engels, *Works*. 2-nd ed. Vol. 46, Part 1. Moscow: Publishing House of Political Literature. [= Маркс 1968]

Marx, K. (1969). *Economic Manuscripts of 1857–1859*. (The Original Version of “Capital”). [In Russian] In K. Marx, F. Engels, *Works*. 2-nd ed. Vol. 46, Part 2. Moscow: Publishing House of Political Literature. [= Маркс 1969]

Marx, K., Engels, F. (1988). *German Ideology*. [In Russian] Moscow: Publishing House of Political Literature. [= Маркс, Энгельс 1988]

Pomeranz, K. (2001) *The Great Divergence: China Europe and the making of the modern world economy*. Princeton, Princeton University Press.

Prasannan, P. (1998). *Rethinking Wages and Competitiveness in Eighteenth-Century Britain and South India*. *Past & Present*, 158 (2), 79–109.

Roberts, M. (2016). *The Long Depression: Marxism and the Global Crisis of Capitalism*. London: Haymarket Books.

Valencia, A.S. (2017). *Sub-imperialism revisited: dependency theory in the thought of Ruy Mauro Marini*. Leiden: Brill Academic Publishers.

Van Der Pijl, K. (2006). *Global Rivalries: From the Cold War to Iraq*. London: Pluto Press.

Received 15.06.2019

АНДРІЙ МАЛЮК

Імперіалізм у Марксовій концепції глобалізації

У статті здійснюється реконструкція Марксової концепції місця і ролі капіталізму в становленні всесвітніх, глобальних відносин і взаємозв'язків, а також історичних меж створеної ним глобальності. Показано, що створена капіталізмом глобальність і глобальна експансія капіталу має імперіалістичний характер. Але при цьому капіталізм руйнує характерну для попередньої історії приватновласницьких відносин економічну роздробленість власності та засобів виробництва. Він об'єднує місцеві, національні та регіональні ринки у світовий ринок, інтегрує виробничі сили всього людства через глобальні виробничі мережі та вартісні ланцюжки. Таким чином, капіталізм здійснює усупільнення праці в небачених раніше масштабах. Усе це є передумовою переходу до безпосередньо суспільного виробництва, подолання відчуження і знищення класової нерівності. Історичне виправдання капіталізму Маркс бачить у тому, що він створює матеріальний базис нового суспільства. З одного боку, капіталізм розвиває світові відносини, ґрунтовані на взаємній залежності всього людства, а також засоби цих відносин. З іншого боку, він розвиває виробничі сили людини й забезпечує перетворення матеріального виробництва в панування над силами природи за допомоги науки. Перетворення історії на дійсно всесвітню історію — необхідна умова і передумова її перетворення з передісторії на справжню історію, яка збігається із переходом до комуністичного типу розвитку.

Ключові слова: Маркс, матеріалістичне розуміння історії, капіталізм, світова капіталістична система, імперіалізм, теорія всесвітньо-історичного процесу, соціальна теорія, глобалізація

АНДРЕЙ МАЛЮК

Империализм в Марксової концепции глобализации

В статье осуществляется реконструкция Марксової концепции места и роли капитализма в становлении всемирных, глобальных отношений и взаимосвязей, а также исторических пределов созданной им глобальности. Показано, что с точки зрения Маркса капиталистическая всемирность и глобальная экспансия капитала носит империалистический характер. Исходя из отмеченной Марксом специфики действия закона стоимости в его интернациональном применении, неэквивалентный обмен как основа империалистического господства может быть связан с безвозмездной передачей стоимости, созданной в периферийных странах капиталистической системы, ее индустриально развитым центрам. Это может происходить или посредством прямой эксплуатации туземной рабочей силы капиталом центров, или посредством механизма мирового рынка, на котором отсталые страны продают производимые ими товары ниже их стоимости развитым странам, продающим свои товары выше их стоимости, согласно среднему мировому уровню цен, либо посредством комбинации того и другого. При этом капитализм разрушает характерную для предшествующей истории частнособственнических отношений экономическую раздробленность собственности и средств производства. Он объединяет местные, национальные и региональные рынки в мировой рынок, интегрирует производительные силы всего человечества посредством глобальных производственных сетей и стоимостных цепочек. Таким образом, капитализм осуществляет обобществление труда в невиданных ранее масштабах. Все это является предпосылкой перехода к непосредственно общественному производству, преодоления отчуждения и уничтожения классового неравенства. Историческое оправдание капитализма Маркс видит в том, что он создает материальный базис нового мира. С одной стороны, капитализм развивает мировые отношения, основанные на взаимной зависимости всего человечества, а также средства этих отношений. С другой стороны, он развивает производительные силы человека и обеспечи-

вает превращение материального производства в господство над силами природы при помощи науки. Превращение истории в действительно всемирную историю – необходимое условие и предпосылка ее превращения из предыстории в подлинную историю, совпадающую с переходом к коммунистическому типу развития.

Ключевые слова: Маркс, материалистическое понимание истории, капитализм, мировая капиталистическая система, империализм, теория всемирно-исторического процесса, социальная теория, глобализация

ANDRII MALIUK

Imperialism in the Marxian conception of globalisation

The paper aims to reconstruct the Marxian vision of the place and role of capitalism in shaping worldwide, global relationships and interconnections, as well as in setting the historical limits of globality. It is shown that both globality as a product of capitalism itself and the worldwide expansion of capital are imperialist by nature. With regard to Marx's viewpoint on how the law of value works on an international scale, non-equivalent exchange as a basis for imperialist domination can be attributed to the fact that the value created in peripheral countries of the global capitalist system is handed over to its industrially developed core – without receiving any value in return. This usually takes place in three ways. The first one involves direct exploitation of indigenous labour force by the capital of the core. The second one is related to the mechanism of the world market where backward countries sell the produced commodities at a price below their value to advanced countries which, in turn, sell their commodities at a price above their value (with respect to the average price for a particular commodity worldwide). The third way is a combination of both the above. Another aspect worth mentioning is that capitalism eliminates economic fragmentation of both the means of production and ownership, which prevailed at earlier stages of the evolution of private property. Furthermore, capitalism incorporates local, regional and national markets into a single global one, as well as concentrates productive forces of the entire humankind through global value chains and production networks. This entails socialisation of labour (which Marx referred to as 'Vergesellschaftung der Arbeit') on an unprecedented scale. This also enables the transition to social (in Marx's terms, 'gesellschaftliche') production, which serves to overcome alienation and eradicate poverty. In Marx's opinion, capitalism is historically justified because it creates the material basis for a new society. On the one hand, capitalism fosters new types of relations, which are global in character and based on interdependence among people; besides, it generates means for these relations. On the other hand, capitalism facilitates development of human productive forces and makes it possible, by means of science, to transform production of material goods into control of nature. Therefore, history turns into a truly global history, and this is a prerequisite for its transformation from prehistory into a real history. This process coincides with the transition to a communist economic system.

Keywords: Marx, materialist conception of history, capitalism, world capitalist system, imperialism, theory of a global historical process, social theory, globalisation